

— Эн-хм, пойдём следом? — спросил Хисока.

Альбафика покачал головой.

— Не нужно. Подождём его здесь.

Хисоке было всё равно, он тут же сел, скрестив ноги, открыл коробку с молоком и принялся пить. Альбафика нерешительно посмотрел на молоко в своей руке, подумал, открыл и, поднеся к губам, сделал маленький глоток. Тут же всё его лицо сморщилось — он ещё никогда не пил такое противное молоко. Лицо мгновенно покраснело, но он с усилием проглотил эту странную на вкус жидкость.

— Если не можешь пить, не заставляй себя. Большая Роза, с первого взгляда видно, что тебя растили, держа на руках. Такую пищу, которую едят простолюдины, ты точно не сможешь есть, не надо себя мучить.

Взгляд Альбафики потускнел, но он ничего не сказал. Закрыв глаза, он залпом выпил всю коробку молока. После одной коробки казалось, что вкусовые рецепторы вообще отказали. Затем он открыл упаковку хлеба и начал есть совершенно безвкусный хлеб.

— Хисока, разве все в Городе Падающей Звезды едят такую еду?

— Нет, — Хисока протянул палец и опрокинул сложенную пирамидку из игральных карт. — Это пир, доступный лишь самым могущественным людям Города Падающей Звезды!

— Почему все не уезжают отсюда?

Если выживать так тяжело, зачем продолжать здесь бороться?

— Уехать? — Хисока на мгновение замер, затем громко рассмеялся.

Если бы уехать было так просто! И даже если бы они смогли уехать, что с того? Где бы они ни были, они навсегда останутся принадлежать Городу Падающей Звезды!

— Большая Роза, ты такой наивный, наивный до тошноты!

Хисока взял одну игральную карту и лизнул её.

— Хисока, я не хочу менять проводника! — спокойно сказал Альбафика.

Он и сам понимал, что спросил о том, о чём не следовало. Называй его наивным, лицемерным — как угодно. Он просто не понимал. Жить каждый день в страхе и голоде, лить реки крови и нести бесчисленные жертвы ради крошечного куска хлеба, каждый день тревожиться, что можешь погибнуть... Почему же никто не думал сдатьсь? Еды и воды в этом месте почти нет, но убитых людей намного больше, чем умерших от голода. Чтобы выжить, нельзя доверять никому. Даже если умрёшь, никто не опечалится, и даже твоё тело разделят и съедят. Такой образ жизни, без надежды на завтра, слишком изнурителен!

Хисока убрал окутывавшую его убийственную ауру. Он встал и пошёл в направлении, куда ушёл Минос.

— Пойду проверю Большое Белое Яблочко.

Альбафика опустил взгляд на хлеб, от которого откусил лишь малую часть, и вздохнул. Просто

невозможно это есть! Убрав оставшееся, Альбафика решил пройтись вокруг. Хотя пейзаж везде одинаковый — горы мусора!

— Я не хочу умирать... не хочу...

Из неприметного угла в грудe мусора донёлся слабый голос, привлёкший внимание Альбафики. Он подошёл, откинул деревянную доску и увидел исхудавшее маленькое тельце, сжавшееся в комок. Глаза были пусты, губы потрескались, приоткрытый рот издавал слабые звуки.

— Ты всё ещё держишься, даже в таком состоянии? Возможно, после смерти ты переродишься в счастливой семье! — сказал Альбафика.

— Перерождение?

В глазах ребёнка мелькнула искорка сознания.

— Разве это возможно? После смерти не остаётся ничего, как может существовать такое понятие, как перерождение? В этом мире нет богов!

— Ты не веришь в богов?

— Если бы боги действительно существовали, почему они не пришли нам на помощь? Боги — это самое худшее, во что нельзя верить!

Альбафика протянул ребёнку яблоко из своих рук.

— Держи. Возможно, это поможет тебе прожить ещё немного.

Альбафика пошёл дальше. Смерть, возможно, тоже является спасением. Жизнь не обязательно прекрасна! Любовь и мир на земле, возможно, и не связаны с божествами. Всё счастье и прекрасное не даровано богами, а создано людьми самими. Все несчастья и бедствия тоже не проклятия богов, а плоды человеческих деяний! Люди думают, что, выбросив всё ненужное в Город Падающей Звезды, они оставляют себе лишь прекрасное. Но чем хаотичнее и жестокее Город Падающей Звезды, тем призрачнее кажется благополучие внешнего мира.

Альбафика прошёл недалеко, как его окружила явно недоедающая, отстающая в развитии группа детей. Они смотрели на Альбафику с жалостью и надеждой, словно ожидая, что он даст им немного еды. У Альбафики слегка заболела голова. Наверное, кто-то увидел, как он дал тому ребёнку яблоко, и теперь все пришли к нему. Но сейчас у него с собой только один надкусанный кусок хлеба.

— Простите, сейчас у меня есть только это, и вам всё равно не хватит на всех!

Альбафика показал хлеб в своей руке.

Дети переглянулись, затем один ребёнок нерешительно подошёл к Альбафике. Глядя на этого маленького испуганного ребёнка, Альбафика невольно смягчил выражение лица. Он присел, вложил хлеб в руку ребёнка и протянул руку, чтобы погладить его по голове.

— М-м...

Альбафика в шоке смотрел на ребёнка перед собой. Выражение лица ребёнка сменилось с робкого и испуганного на самодовольное и наглое.

— Какой же ты глупый, не зря говорят, что пришлые снаружи! Знаешь что? В Городе Падающей Звезды у людей нет возраста!

Альбафика усмехнулся себе в усы.

— Это я был невнимателен. И слишком высокого мнения о себе. И слишком недооценил Город Падающей Звезды. Мне не следовало смотреть на это место глазами внешнего мира.

— Ялбо!

У Миноса от ярости кровь бросилась в глаза. Он швырнул на землю полную охапку вещей и бросился к Альбафике.

— Не подходи!

Альбафика громко крикнул, заставив Миноса остановиться.

— Ялбо!

Минос забегал вокруг, в его глазах сверкала свирепая ярость.

— Ты ранен? Эти проклятые сопляки!

Встретившись со свирепым взглядом Миноса, вся группа детей разбежалась с грохотом, остался только тот, что перед Альбафикой.

Ребёнок, увидев кровь на своей руке, быстро сменил самодовольное выражение лица. Внезапно он с силой вырвал изо рта большое количество крови и, даже не успев сопротивляться, быстро рухнул на землю, умирая в муках.

Альбафика, прижимая руку к животу, поднялся и сделал несколько шагов назад от Миноса, желавшего приблизиться.

— Минос, не подходи ко мне!

— Альбафика, ты ранен!

Минос разозлился из-за того, что Альбафика не бережёт себя.

— Что ты вообще делаешь? С твоей-то силой тебя смог ранить ребёнок? Разве ты не Золотой святой? Слишком слаб!

— Прости, — сказал Альбафика.

— Я перевяжу тебе рану!

Минос шагнул к Альбафике.

— Не нужно!

Альбафика продолжил отступать.

— Я сам справлюсь. Ты не подходи ко мне!

— Я знаю, что твоя кровь ядовита. Не волнуйся, я дорожу своей жизнью, буду очень

осторожен, не коснусь твоей крови!

Минос не хотел уступать. Он не желал отдаляться от Альбафики из-за ядовитой крови.

— Минос...

— Ялбо, хоть у тебя и ядовитая кровь, но это не может стать причиной, по которой ты отказываешь мне в приближении. Я серьёзен!

Взгляд Миноса был серьёзным и твёрдым, он не отступит от своего упорства.

Взгляд Альбафики дрогнул, он открыл рот, но не смог ничего сказать, лишь молча позволил Миносу приблизиться.

Минос действительно был очень осторожен, не давая себе прикоснуться к крови Альбафики. Он аккуратно обработал рану Альбафики, и к тому времени, когда закончил, на его лбу выступила тонкая испарина.

— Фух... Готово. Ты слишком неосторожен. Не расслабляйся только из-за того, что оппонент мал. Это место гораздо более жестоко, чем мы думали. Не будь дураком и не подставляй себя, чтобы тебя обижали!

Минос был крайне недоволен тем, что Альбафика получил ранение, его лицо было мрачным. Конечно, он не злился на Альбафику, поэтому объектом его ненависти стали те, кто ранил Альбафику!

Альбафика молча кивнул. Хисока был прав, он действительно слишком наивен, наивен до глупости!

— Прости, что заставил тебя волноваться. Больше такого не повторится.

— Я купил немного еды, сейчас принесу.

Минос изо всех сил сдерживал радость в сердце, поспешно нашёл предлог, чтобы скрыться из поля зрения Альбафики, боясь, что тот увидит его не смыкающиеся губы в улыбке.

<http://bllate.org/book/15617/1394635>